

УДК: 94

DOI: 10.24411/2686-9217-2020-10002

Политическая стратегия Екатерины II в символике придворных праздников

А.Д. Новикова¹

В статье на основе неопубликованных документов из Российского государственного архива древних актов (РГАДА), периодики, воспоминаний современников и других источников исследуется символика придворных праздников Екатерины II. Автор статьи приходит к выводу, что торжества были частью политической стратегии императрицы, и их риторика менялась в зависимости от «целевой аудитории». Высокоторжественные дни, празднование которых выносилось на общеимперский уровень, были призваны легитимировать власть Екатерины в глазах подданных, а придворные маскарады, на которых присутствовали члены европейских королевских семей, служили внешнеполитическому курсу. Таким образом, основные идеи царствования Екатерины II зашифровывались в сценариях праздничных торжеств и были частью стратегии репрезентации фигуры просвещённой монархини. Представленное исследование – первая в историографии попытка анализа придворных праздничных церемониалов в политическом ключе. Предложенные автором подходы позволяют углубить знания о природе неограниченной власти и стратегий политиков.

Ключевые слова: политическая имагология, просвещенный абсолютизм, придворные праздники, культура России, Екатерина II.

В известной работе Мишеля де Серто «Практика повседневной жизни» впервые были концептуально описаны «способы действия», характерные для потребителей (слабых) и занимающих господствующее положение (сильных): последние философ обозначил как «стратегии»². В данной статье предпринимается попытка проанализировать стратегии Екатерины II, выраженные в символике придворных праздников. Каким

¹Новикова Арина Дмитриевна – студент 4 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; adnovikova_3@edu.hse.ru

Novikova Arina Dmitrievna – 4th year student, National Research University “Higher school of Economics”, Russian Federation, 101000, Moscow, Myasnitskaya st., 20; adnovikova_3@edu.hse.ru

² Certeau M. de, The Practice of Everyday Life. Berkeley, 1984.

образом политический курс императрицы отразился в аллегорическом содержании маскарадов? Как менялась символика торжеств в зависимости от повестки дня? Какие «сценарии власти» в них читаются?

Американский историк Р. Уортман в работе «Сценарии власти» показал, что характерной чертой русской монархии была необходимость в легитимации политического курса правителя, сопровождавшаяся постоянными церемониальными подтверждениями: именно поэтому сценарии придворных маскарадов были тщательно продуманы, а их регламент был обязательным для исполнения не только придворными, но и гостями³. Так праздники становились весьма схожи с театральными постановками – они развивались по продуманному сценарию, со своим прологом (приезд, осмотр дворца, парка), завязкой (обед, придворный театр), развязкой (вечерние увеселения и иллюминации) и эпилогом (ужин и разъезд)⁴. Зрителями были как подданные правителя, так и иноземные наблюдатели (послы и путешественники), и способы воздействия на участников празднества могли быть различны. Так, заграничных гостей должны были впечатлить зашифрованные в торжествах знаки силы и надежности России как военного и политического союзника⁵. В риторике праздников, обращённых подданным, развивался миф об императрице, которая стремится ко всеобщему благу.

Чтобы продемонстрировать обе стратегии легитимации власти, в работе изучаются высокоторжественные дни⁶, символика которых была направлена на подданных императрицы, и маскарады, устроенные во время визитов европейских королевских особ (принца прусского Генриха-Фридриха Людвига и шведского короля Густава III). Чтобы уйти от анахронизмов и неверного понимания событий в моём «ящике с инструментариями» (метафора А. Витгенштейна) были положены

³ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. Т. 1. С. 190.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Keenan P. St. Petersburg and the Russian Court, 1703–1761. London, 2013. P. 69.

⁶ Высокоторжественные (или великоторжественные) дни – династические государственные праздники, включающие восшествие на престол правящего монарха, коронации, рождение и смерть, тезоименитства монарха и особ Императорского дома. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880-1882. Т. 1. С. 264.

подходы антрополога К. Гирца, который, под влиянием идей Витгенштейна и Гуссерля, предложил герменевтическую интерпретацию культуры, то есть чтение символических значений, вложенных в каждое конкретное действие (в моём случае, в сценарии праздников)⁷. Политическая стратегия монарха, зашифрованная в ритуале праздников, тема невероятно актуальная, хотя и малоизученная. Даже сейчас политики и руководители государства используют массовые праздники как возможность легитимировать свою власть. Понимание функционирования механизма пропаганды XVIII века позволит осознать некоторые современные стратегии власти.

Исследователи начали обращаться к теме придворной культуры сравнительно недавно. Н. Элиас был одним из первых, кто начал изучать двор в качестве центра реализации политики монархиями Нового времени. В работе «Придворное общество» автор на примере двора Людовика XIV показывает, что он функционирует как инструмент королевской особы для укрепления своего положения⁸. Власть монарха над страной является продолжением власти над двором, следовательно, двор является «репрезентативным органом» неограниченной власти правителя и выполняет важные политические функции. Р. Уортман, исследуя ритуалы и церемонии торжеств в России, находит характерные черты в природе монархической власти, выражающиеся в особой символической системе для укрепления позиций власти – этот феномен автор называет «сценариями власти»⁹. Идеи Уортмана, так же, как и Элиаса, нашли поддержку во многих работах, посвященных проблеме репрезентации монарха Нового времени¹⁰. В исследованиях устройства церемониалов двора отечественные исследователи приходят к выводу о

⁷ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 19.

⁸ Элиас Н. Придворное общество: Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 148-150.

⁹ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 125.

¹⁰ Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009; Успенский Б.А. Царь и бог // Избранные труды. М., 1994. Т. 1; *Blanning T.C.* The Culture of Power and the Power of Culture: Old Regime Europe 1660–1789. Oxford, 2002; *Zitser A.* The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. Ithaca, 2004.

их весомом значении в политическом курсе правителя¹¹. Отдельное внимание обращено на дипломатические ритуалы как важные составляющие межгосударственных отношений¹². Большое внимание в историографии уделяется теме моды: её социокультурному и историческому аспектам¹³. Опираясь на подходы антрополога К. Гирца, современные учёные опубликовали исследования о театрализации двора и семиотике придворных представлений¹⁴.

Между тем, празднование высокотожественных дней и устройство маскарадов в дни приездов европейских венценосных особ всё ещё почти не изучены. Более того, слабо исследована и проблема включения этих мероприятий в политический контекст. В настоящей работе, опираясь на подходы и достижения историографии, а также привлекая новые источники, я постараюсь восполнить эту лакуну и рассмотреть придворные праздники екатерининского времени как часть политического курса.

Для исследования организации высокотожественных дней были изучены делопроизводственные документы Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА): расходные казначейские книги¹⁵, черновые рескрипты и указы императрицы¹⁶, расходные таблицы и указы по дворцовым делам¹⁷. Изученные комплексы источников не содержат прямых сведений о расходах на организацию высокотожественных дней,

¹¹ Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700-1796 годы. М., 2008; Захарова О.Ю. Русский бал XVIII - начала XX века: танцы, костюмы, символика. М., 2011; Елисеева О.И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008; Огаркова Н.А. Церемонии, празднества, музыка русского двора XVIII - начало XIX века. СПб., 2004; Проскурина В.Ю. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

¹² Агеева О.Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012; Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016; Keenan P. St. Petersburg and the Russian Court, 1703–1761. L., 2013.

¹³ Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерины II европейский костюм в Российской империи. М. 2016; Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XX вв.: Опыт энциклопедии. М., 1995.

¹⁴ Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016; Погосян Е.А. К предьстории «Торжествующей Минервы»: И.И. Бецкой и М.М. Херасков в кругу организаторов маскарада / Перяковский сборник. М., 2010. Ч. 2; Evstratov A. Les spectacles francophones a la cour de Russie (1743-1796): l'invention d'une societe. Oxford, 2016.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 940, 974.

¹⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1.

¹⁷ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 47, 56, 96, 160, 206, 226.

но косвенные данные позволяют, на мой взгляд, реконструировать «экономик» данных праздников и оценить их роль в политическом курсе.

Что касается маскарадов в дни визитов королевских особ, то реконструировать их представляется возможным по описаниям, собранным в делопроизводственной придворной документации или оставленным в источниках личного происхождения. Праздники, на которых присутствовал Генрих Прусский (с октября 1770 по январь 1771 года), проиллюстрированы сопровождающим его графом Гордтом¹⁸ и описаны организаторами. Сведения об одном из них представляется возможным изучить по франкоязычному «Описанию праздника, дарованного Санкт-Петербургу по приказу императрицы Екатерины II, во время пребывания в этой столице принца Генриха Прусского», оригинал которого хранится в РГАДА¹⁹. В 1828 году оно было опубликовано в журнале “Bulletin du Nord”²⁰, однако в публикацию не вошла приложенная записка статс-секретаря императрицы С. Козмина с информацией об организаторах торжества. Помимо этого, в 10 фонде РГАДА содержится «Театральное обращение Екатерины II и другим лицам от имени Аполлона», которое содержит аллегорическое толкование маскарада 28 ноября и отчасти повторяет содержание описания²¹. Ценную информацию содержит специальный «Журнал бытности в России Его Королевского Высочества принца Прусского Генриха...»²².

Мероприятия, организованные летом 1777 года, во время визита шведского короля Густава III, освещались в первую очередь в «Санкт-Петербургских ведомостях»²³; много информации оставил сам король в

¹⁸ Граф Горд Иохан Людвиг (1719-1798) – генерал-лейтенант прусской армии шведского происхождения. Во время Семилетней войны попал в плен русским и был освобождён Петром III. Сопровождал принца Генриха в Россию в 1770 году. Hordt J.L. Mémoires du comte de Hordt, gentilhomme suédois, lieutenant-général des armées de Sa Majesté prussienne, écrits par lui-même. Berlin, 1789. Т. 2.

¹⁹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 379.

²⁰ Description inédite d'une fête donnée à St. Pétersbourg, par ordre de l'impératrice Catherine II, lors du séjour du prince Henri de Prusse en cette capitale // Bulletin du Nord: journal scientifique et littéraire, contenant: des mémoires et notices, des analyses et extraits d'ouvrages nouveaux; des variétés et mélanges, des annonces bibliographiques, etc., etc.. Septembre 1828. Cah. 12. Vol. 1. P. 354-370.

²¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 323.

²² Журнал бытности в России Его Королевского Высочества принца Прусского Генриха, с 1-го октября 1770 года генваря по 26-е число 1771. СПб., [185?].

²³ Санкт-Петербургские ведомости. 1777. № 51.

личной переписке²⁴. Помимо того, в 10 фонде РГАДА было найдено недатированное распоряжение императрицы о нарядах гостей маскарада по случаю «бытности короля Швеции»²⁵. Ориентируясь на информацию из церемониальных журналов, я сделала вывод, что записка относится к маскараду, устроенному в Петергофе 28-29 июня, поскольку упоминаемые в документе «генеральши» Репнина, Ливен и Шувалова одновременно могли быть при дворе лишь в тогда²⁶. Дополнительными источниками стали камер-фурьерские церемониальные журналы²⁷, личная и дипломатическая переписка Екатерины²⁸, а также личные свидетельства других гостей празднеств²⁹, зарубежная периодика³⁰. Большинство источников личного происхождения и периодика представлены на французском и английском языках – представленные в тексте переводы сделаны мной.

1. Высокоторжественные дни

В 1762-1777 гг. в календарь особых праздничных дат включались следующие «высокоторжественные дни»: день рождения Екатерины II (21 апреля), день вступления на престол (28 июня), тезоименитство и день рождения Павла (29 июня и 20 сентября, соответственно), день коронации (22 сентября), тезоименитство Екатерины (24 ноября). Позднее к ним прибавились дни рождения и тезоименитства новых членов императорской фамилии.

²⁴ Gustave III au Prince Charles, Duc de Sudermanie // Gustave III, par ses lettres / ed. Gunnar von Proschwitz. Stockholm, Norstedts / Paris, J. Touzot, 1986. Т. 8. Bicentenaire de l'Académie suédoise. P. 162.

²⁵ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 314. Л. 1.

²⁶ Камер-фурьерские церемониальные журналы (далее – КФЖ), 1777 г. СПб., 1777. С. 389-541.

²⁷ КФЖ. 1752, 1758, 1762-1777 гг. СПб., 1853-1863.

²⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 13, 27, 145.

²⁹ Корберон М.-Д. Интимный дневник шеваля де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. СПб., 1907; John Elphinston Papers Relating to the Russo-Turkish War, Box 3; Manuscripts Division, Department of Rare Books and Special Collections, Princeton University Library. AMs; 1773. Box 3. (Записки Эльфинстона не изданы, они хранятся в библиотеке Принстонского университета и были любезно предоставлены Е.Б. Смилянкой).

³⁰ Caledonian Mercury [Электронный ресурс]. 4 March 1771. № 7636. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000045/17710304/005/0002> (дата обращения 07.10.2019).

Обычно высокаторжественные дни приравнялись к государственным праздникам и отмечались не только при императорском дворе, но и в других городах империи и даже вне ее, в действующих армии и на флоте³¹. На символическом уровне праздники становились своеобразным диалогом государыни и подданных. Например, в Казани в день рождения императрицы в 1765 году было представлено аллегорическое театральное представление, где *Казань* благодарит *Судьбу* за то, что та предоставила ей возможность быть подданной *России*³². Этот мотив из мифа об античной богине Астреи символизировал наступление «Золотого века» в царствование императрицы. Впервые такая риторика появилась в сценарии маскарада «Торжествующая Минерва», завершившего коронационные празднества в Москве: в нём «обличались человеческие пороки» и демонстрировалось начало нового для России времени, где под эгидой разумной государыни (в образе богини мудрости) будут царствовать только добродетели³³. Поскольку высокаторжественные дни проходили во всех частях империи, они становились символом единства всех подданных под началом заботливой императрицы. Интегрирующим моментом выступала и сама риторика народных празднований.

Однако главным театром действия оставался дворец, где в момент торжества находилась императрица. При Екатерине II придворный церемониал празднования стал более строгим и регламентированным по сравнению с предшествующим временем³⁴. Обязательными его составляющими были: божественная литургия, «большой выход», бал или куртаг с последующим вечерним кушаньем, театрализованным представлением и иллюминацией с фейерверком. Важнейшей

³¹В продолжение Архипелагской экспедиции в действующем флоте также праздновались высокаторжественные дни. См. *Смилянская Е.Б.* Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М., 2015.

³² Пролог в высокаторжественный день рождения ея императорского величества, представленный в казанских гимназиях благородными учениками. М., 1765. С. 9.

³³ Подробнее см. *Костин А.А.* Московский маскарад «Торжествующая Минерва» (1763) глазами иностранца // Русская литература: Историко-литературный журнал. СПб., 2013. № 2. С. 80–113.

³⁴ *Огаркова Н.А.* Церемонии, празднества, музыка русского двора XVIII - начало XIX века. СПб., 2004. С. 30.

составляющей любого праздника и высокаторжественных дней, в частности, становились театральные представления, которые, согласно представлениям эпохи, воспитывали души зрителей³⁵. В сценариях празднования чаще всего использовались обращения к античной мифологии, в частности к богиням Минерве, Афине, Астрее, что было не ново: предшественницы Екатерины также апеллировали к этим образам³⁶. Античные амплуа становились важным инструментом репрезентации основных тем царствования Екатерины: взаимной любви императрицы и подданных и радости от обновления, которое сулит приход мудрой правительницы к власти³⁷. Со второй половины 1760-х гг. всё чаще идёт обращение к образу «Матери Отечества». Он начал развиваться в одической поэзии к высокаторжественным дням первых лет правления и в полной мере раскрылся к 1767 году: «*Царица Роскаго народа, И Роскаго народа мать!*»³⁸. Сопряжение этого образа с «русскостью» нашло отражение и в придворной моде на «русское платье»³⁹. Английский путешественник У. Кокс иллюстрирует его так: «это было платье с коротким шлейфом, корсажем с длинными рукавами, доходящими до запястья, как полонез⁴⁰»⁴¹. Современные исследователи полагают, что оно выглядело как модное европейское платье с национальным орнаментом XVII века⁴². В конце 1770-х оно стало главной модной тенденцией двора: во время высокаторжественных дней и других празднеств его предписывалось надевать придворным дамам, что, как будет показано ниже, вдохновило и других европейских монархов обратиться к народным элементам в костюме придворных.

³⁵ Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016. С. 63.

³⁶ Проскурина В.Ю. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 64.

³⁷ Уортман Р.С. Указ. соч. С. 157.

³⁸ Сумароков А.П. Ода ея императорскому величеству Екатерине II на день ея коронования 1766 года // Полное собрание всех сочинений. 2-е изд-е. М., 1787. Ч. 2. С. 68.

³⁹ Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерины II европейский костюм в Российской империи. М. 2016. С. 15.

⁴⁰ Платье «a la polonaise» - во второй половине XVIII в. верхнее распашное платье с подобранным в виде полукружий подолом, из-под которого видна нижняя юбка; лиф плотно прилегающий. Было в моде в Англии, Франции, России. Кирсанова Р.М. Указ. соч. С. 236.

⁴¹ Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. London, 1792. Vol. 2. P. 282.

⁴² Бордэриу К. Указ. соч. С. 30; Уортман Р.С. Указ. соч. С. 186.

Для того, чтобы решить пропагандистские задачи праздников необходима была правильная организация. В ходе исследования расходных книг придворного ведомства было выявлено, что высокаторжественные дни не выделялись отдельными статьями от бытовых трат на нужды двора, несмотря на их общеимперский характер. При этом расходы на такие экстраординарные придворные праздники, как на маскарад по случаю приезда принца Генриха Прусского, в ведомости отводились отдельные статьи. При этом, высокаторжественные дни стоили двору недешево. Трапезы поражали обилием продуктов и разнообразием напитков, на которые при дворе не скупилась. По ведомостям 1763 года для праздничных столов закупили напитки: «водка (вейновые разных сортов, французские белые и жёлтые), ратафии, араку, шампанские (сельдерейные и одинарные), вино (спанское несладкое, португальское, эльзаское, гобрион), ликер разных сортов, люнет (белый и красный), ренвейн, мадера, мушкат (туланский, флорентийский), тентинелла, кенари, пиво, киршвейн, марго» и т.д., плюс посуда, и того на 47010 рублей⁴³. Помимо «столовых» расходов, оплачивались услуги певчих, музыкантов, актёров (их зарплата определялась качеством работы: так «первоклассным», по указу Екатерины полагалась надбавка по 36 рублей в месяц⁴⁴, а в год они могли зарабатывать до 10000 рублей⁴⁵); пошив костюмов для слуг; организация иллюминаций и фейерверков⁴⁶. Последние могли обходиться казне до 7500 рублей на одну ночь⁴⁷.

На придворные празднества в 1771 году было потрачено 52000 рублей (не включая жалования придворных); среди них было шесть высокаторжественных дней и январские маскарады, на которых присутствовал принц прусский⁴⁸. Таким образом, большие вложения в празднования говорят об их высоком значении для императрицы.

2. Маскарады для принцев крови

⁴³ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 56. Ч. 2. Л. 93 об.–94.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 96. Л. 121-122.

⁴⁵ John Elphinston Papers Relating to the Russo-Turkish War, Box 3; Manuscripts Division, Department of Rare Books and Special Collections, Princeton University Library. AMs; 1773. Box 3. P. 24.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 940. Л. 90-130.

⁴⁷ John Elphinston Papers... P. 24.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 56. Ч. 2. Л. 120.

Визит принца Генриха Прусского

В 1770-ые обстановка в Европе была весьма сложной для России. Екатерина вела войну с Турцией (1768-1774 гг.) и имела амбициозные планы освобождения от «Османского ига» греков (что иногда называют первым греческим проектом Екатерины)⁴⁹. Одновременно претензии России распространялись и на польские территории. Прусский король Фридрих II имел не меньшие амбиции, поэтому миссия его младшего брата, принца Генриха, сопровождалась решением важнейших стратегических проблем.

Согласно «Журналу бытности в России Его Королевского Высочества принца Прусского Генриха...», в течение октября, ноября, декабря 1770 и января 1771 гг. он посещал практически все придворные балы, куртаги, концерты, в том числе и приуроченные к высокотожественным дням (24 ноября 1770 – тезоименитства императрицы). Его присутствие на придворных маскарадах было отнюдь не праздным развлечением. В кулуарах решались поистине общеевропейские вопросы.

Первый крупный публичный маскарад, который посетил принц, состоялся в Царском Селе. И выбор императрицы был неслучаен: садово-парковый комплекс загородной резиденции был выполнен в популярном в 1770-ые гг. английском стиле «возврата к природе», что демонстрировало отличный вкус правительницы⁵⁰. В Царское Село гости следовали в длинном караване из карет, «убранных зеркалами в бесконечном множестве раз отражавших все предметы»⁵¹. Дорога до места маскарада была наполнена множеством декораций и иллюминаций: световые фигуры из пиротехники и декоративные щиты, различные украшения (китайское капище, фонтаны,obelisks, башни, античные развалины и многое другое)⁵². В вечерней темноте это особенно впечатляло. В нескольких километрах от Петербурга были установлены

⁴⁹Смилянская Е.Б. Греческие острова Екатерины II. Опыт имперской политики России в Средиземноморье. М., 2015. С. 11.

⁵⁰Лавренюк И.Л. Екатерининский парк и дворец в ретроспективе прошлого и настоящего (к 300-летию Царского села, г. Пушкин) // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 258.

⁵¹Hordt J.L. Mémoires du comte de Hordt, gentilhomme suédois, lieutenant-général des armées de Sa Majesté prussienne, écrits par lui-même. Berlin, 1789. T. 2. P. 190-191.

⁵²Журнал бытности в России... С. 52-53.

«очень большие и чудесно освещенные» триумфальные ворота с надписью: «В честь Его Королевского Высочества Принца Прусского Генриха, дражайшего гостя»⁵³. Периодически кортеж делал остановки. Например, одной из таких станций были генгеты⁵⁴, в которых плясали крестьяне и крестьянки в костюмах разных национальностей⁵⁵. Недалеко от Царскосельского дворца Пулковская горка изображала Везувий, «с вершины которого поднимался фейерверк...»⁵⁶. Напротив Царскосельского зверинца была сооружена Дианина гора с античным храмом; всё это зрелище сопровождала роговая охотничья музыка⁵⁷. Таким образом, дорога разнообразием аллегорических фигур уже производила яркое впечатление. Не остался без внимания гостей и симбиоз «русскости» (танцоры и актёры в национальных костюмах) и античности в символике украшений.

Если вышеописанный маскарад впечатлял гостя зрелищными видами искусств, то придворный маскарад 28 ноября в Зимнем дворце – поражал театральным действием. Ко двору было приглашено 5000 человек (пришли 3600), среди которых было и купечество⁵⁸. Приобщение третьего сословия демонстрировало проекты просвещенной императрицы по созданию «новой породы людей»⁵⁹. Героями главного театрального представления вечера были Аполлон с другими античными богами, временами и месяцами года. Актёрами были дети «высшего дворянства империи» 9-10 лет, что, в свою очередь, уже указывало на воспитательные проекты Екатерины и Бецкого⁶⁰.

В своих воспоминаниях граф Гордт не отметил этот маскарад, поэтому источником его реконструкции стало «Описание» представления

⁵³ Там же. С. 51.

⁵⁴ «Guinguette» - небольшой загородный кабачок или ресторанчик; распространён во Франции XIX-начала XX вв.

⁵⁵ Hordt J.L. Op. cit. P. 191-192.

⁵⁶ Ibid. P. 192.

⁵⁷ Вероятно, свой известный роговой оркестр ко Двору предоставил Л.А. Нарышкин.

⁵⁸ СИРИО. Т. 13. С. 48, 54.

⁵⁹ Зорин А.Л. Появление героя... С. 64.

⁶⁰ Description inédite d'une fête donnée à St. Pétersbourg, par ordre de l'impératrice Catherine II, lors du séjour du prince Henri de Prusse en cette capitale // Bulletin du Nord: journal scientifique et littéraire, contenant: des mémoires et notices, des analyses et extraits d'ouvrages nouveaux; des variétés et mélanges, des annonces bibliographiques, etc., etc.. Septembre 1828. Cah. 12. Vol. 1. P. 354. О воспитательном проекте см. подробнее Зорин А.Л. Появление героя... С. 57-73.

с разъяснением аллегорий. Согласно замыслу организаторов, Аполлон прибыл с Родоса вместе с другими божествами (намёк на Архипелагскую экспедицию⁶¹), чтобы отблагодарить императрицу и её приближённых за победы над турками. Богиня Флора отвечала за подарки гостям. Первый она преподнесла Генриху: это был букет и шкатулка с коллекцией золотых медалей, которые собирались в Санкт-Петербурге с момента его основания⁶². Остальные были вручены героям русско-турецкой войны: графу Захару Григорьевичу Чернышёву, главе военной коллегии, подарок преподнёс месяц Март, олицетворявший бога войны Марса (на французском «Mars» в значении «Март» и имя бога пишутся одинаково). Бог Борей вручил супруге его брата Ивана Григорьевича, вице-президента Адмиралтейств-коллегии, А.А. Чернышевой (Исленьевой) бриллиантовое перо со словами «Именно я покровительствовал вашему мужу. Именно я заполнял паруса тех кораблей, которые заставили реветь флот и трепетать Мустафу» (явный намёк на Чесменскую победу)⁶³. *Октябрь* подарил Григорию Орлову золотую вазу, выложенную бриллиантами, и отметил его заслуги, связанные с организацией Архипелагской экспедиции⁶⁴. Не обошли вниманием и свиту принца: *декабрь* вручил графу Гордту соболиный пелисс, чтобы тот не мёрз, поскольку после поражения Пруссии при Кунерсдорфе в 1759 г. он в течение более двух лет был в плену в Петропавловской крепости и жаловался на страшные холода.

Далее сто двадцать персон были приглашены на ужин в большую и ярко освещенную овальную комнату в девятнадцать сажень⁶⁵. В письме госпоже Бьельке императрица поясняла: «покойная императрица Елисавета начала строить здесь в Зимнем дворце большую залу в тридцать сажень длины, которая еще долго не будет кончена; я велела в этой каменной зале устроить деревянную»⁶⁶. После ужина в смежной

⁶¹ См. *Смилянская Е.Б.* Греческие острова Екатерины II... С. 363-364.

⁶² *Description inédite d'une fête donnée à St. Pétersbourg...* P. 358.

⁶³ *Ibid.* P. 358, 360.

⁶⁴ *Ibid.* P. 363.

⁶⁵ 1 сажень = 213.36 см., следовательно, длина комнаты была чуть более 40 метров.

⁶⁶ СИРИО. СПб., 1874. Т. 13. С 56.

комнате началась пьеса с балетом «Оракул», где играли те же дети⁶⁷. За полночь комедия закончилась, но, по словам Екатерины, гостям настолько понравилось, что они «начали танцевать и проплясали до пяти часов утра»⁶⁸. Императрица испытывала такую гордость устроенным маскарадом, что не раз детально описывала его в личной переписке с Вольтером в одном ряду с важными военными победами⁶⁹. Музыка, исполнявшаяся в течение всего маскарада, была написана итальянским композитором Т. Траэттом, в это время находившимся в российской столице⁷⁰. Интерьер комнат проектировал архитектор А. Ринальди⁷¹. В оригинальном документе, составленном Г.В. Козицким с запиской С.М. Козмина от 6 апреля 1771 года, указано, что к описанию также должны были прилагаться рисунки от «господина Ринальди»⁷². Однако их ещё предстоит найти.

За визитом Генриха в Россию следила вся Европа. Удивительной находкой стала статья в британском журнале “Caledonian Mercury”, где напечатали новость об одном «роскошном» маскараде, устроенном 18 января 1771 г., в день рождения Генриха Прусского: «в этот же день императрица лично вручила принцу... табакерку из слоновой кости. Открывая её, его Королевское Высочество был приятно удивлён, увидев ценное кольцо с портретом Её Императорского Величества»⁷³. Таким образом, жесты одаривания символизировали хорошие взаимоотношения между странами. По результатам миссии были заключены взаимовыгодные соглашения между Пруссией и Россией. Задача Екатерины II – показать блеск, мощь русской армии и неисчерпаемость ресурсов империи – была выполнена успешно во многом благодаря риторике праздников.

⁶⁷ Там же. С. 55.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ СИРИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 61.

⁷⁰ Там же. С. 49.

⁷¹ Description inédite d'une fête donnée à St. Pétersbourg... P. 369.

⁷² РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 379. Л. 2.

⁷³ Caledonian Mercury [Электронный ресурс]. 4 March 1771. № 7636. P. 2. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000045/17710304/005/0002> (дата обращения 16.10.2019).

Отношения со Швецией и маскарад в честь Густава III

С начала XVIII века русско-шведские отношения не были добрососедскими. Виной этому были и поражение Швеции в Северной войне, и постоянное вмешательство России во внутренние дела соседа, и, как следствие, оформление в риксдаге двух противоборствующих партий «колпаков» и «шляп»⁷⁴. Густав III пришел к власти в 1772 году в ходе контрреволюционного переворота с поддержкой Франции и «партии колпаков» и почти сразу же изменил конституцию: теперь парламент терял свою роль, а режим правления становился «полуабсолютистским»⁷⁵. Густав искал сближения с могущественным соседом, но Екатерина II относилась к королю настороженно⁷⁶. Несмотря на противоречия, монархи имели много общего: они приходились друг другу кузенами и считали себя монархами просвещёнными. И Екатерина, и Густав покровительствовали театру: писали собственные пьесы и имели схожие стратегии укрепления власти⁷⁷.

Густав III прибыл в Санкт-Петербург 5 июля 1777 года под именем «графа Готландского» со свитой⁷⁸. При первой официальной аудиенции все шведские гости получили ценные подарки: самому королю был преподнесён орден св. Александра, бриллиантовая трость и меха (мешок «чёрных лисиц»); остальным драгоценные шкатулки⁷⁹. Бриллиантовый

⁷⁴ «Колпаки» и «шляпы» - названия противоборствующих аристократических политических партий в Швеции, образовавшиеся после смерти Карла XII в 1719 г. «Шляпки» или «колпаки» (сложности перевода со шведского) видели ключевой задачей мщение России за поражения рассчитывали на поддержку Франции, «шляпы» же считали борьбу непосильной и стремились к внутренним реформам. Власть в течение столетия не раз переходила от одной партии к другой. Государственный переворот Густава III в 1772 году был произведен при их участии и содействии «партии шапок». Впоследствии Густав III законодательно запретил употребление самих названий «шапки» и «шляпы», и они действительно вывелись из употребления. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. 39. С. 165.

⁷⁵ При вступлении на престол в 1772 году Густав III, будучи законным наследником, решил изменить существующие порядки. Так, в августе король официально распускает парламент, обвинив депутатов в недостаточном патриотизме и продажности, пишет новую конституцию, закреплявшую установившиеся порядки, и назначает выборы в новый риксдаг, который теперь играл декоративную роль. Всеми делами в Швеции управлял сформированный им полуофициальный кабинет министров, куда вошли многие из его фаворитов.

⁷⁶ СИРИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 82.

⁷⁷ Берлова М.С. Любительский театр при дворах просвещенных монархов Густава III и Екатерины II // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2018. № 2. С. 121.

⁷⁸ Там же. С. 132.

⁷⁹ СИРИО. СПб., 1914. Т. 145. С. 432.

подарок королю оценивался более, чем на 80 тысяч рублей⁸⁰, и для ответного знака он поручил брату Карлу Зюдерманландскому, будущему королю Карлу XIII, прислать в Санкт-Петербург большой рубин из королевской сокровищницы⁸¹. Жест взаимного одаривания, как и во время визита Генриха в 1770-1771 гг., символизировал согласие между монархами.

В течение месяца пребывания в России Густав занимался отнюдь не только политикой, но имел и культурную программу. Например, 24 июня, в день рождения И.И. Бецкого, шведский король был приглашён в Смольный институт, где в собственном театре воспитанницы представили гостю «французскую комическую оперу, и после весьма забавный балет»⁸². Воспитательный проект Екатерины и Бецкого предстал перед шведским гостем во всей красе. Густав ещё не раз посетил воспитательный дом. В один из таких визитов смолянки сыграли любимую оперу короля, «Земира и Азор» авторства Мармонтеля⁸³. Сюжет как нельзя лучше вписывался в образ императрицы: акцент был сделан на чувства, которые связывают императрицу с подданными, а также на идею о «Золотом веке» Екатерины, который преобразит окружающее «безобразие» и приведёт Россию к процветанию.

28 и 29 июня, в дни празднования восшествия на престол императрицы и именин цесаревича, «граф Готландский» был приглашён в Петергоф. Место было выбрано неслучайно: дворцово-парковый комплекс был построен как памятник победы над шведами. Приглашены были дворянские особы первых 4 классов, иностранные министры, знатное купечество, духовные служители (члены Синода)⁸⁴. «По учиненным от двора повесткам» все должны были быть «в маскарадном платье»⁸⁵. На Густаве был подаренный при первой встрече орден св.

⁸⁰ Корберон М.-Д. Интимный дневник шеваляе де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. СПб., 1907. С. 178-179.

⁸¹ Gustave III au Prince Charles, Duc de Sudermanie // Gustave III, par ses lettres. Stockholm, 1986. Т. 8. Р. 162.

⁸² Санкт-Петербургские ведомости. 1777. № 51. С. 7.

⁸³ Там же.

⁸⁴ КФЖ. 1777. С. 507.

⁸⁵ КФЖ. 1777. С. 493.

Александра («le cordon de Russie»)⁸⁶. Для дам императрица подписала специальный указ: «По случаю бытности короля Шведскаго здесь скажите дамам и фрелинам, что мне угодно будет, когда оне званы будут при дворе или ингде с ним вместе, чтоб не надевали шемизы, фурро или иные дезабилье, кроме греческого платья, тоже скажите графине Шуваловы⁸⁷, генералше Ливен⁸⁸ и генералше Реп.^{89»}⁹⁰.

В изучаемый период приглашённым ко двору часто предписывалось быть в «греческом» платье, то есть носить простые фасоны. Дезабилье, упоминаемое в документе, по-другому называли «неглиже» или «обыкновенное платье» в стиле показной небрежности, без громоздких панье⁹¹; к такому же типу относилось модное тогда фурро (фр. fourreau) – платье без панье с узким лифом⁹². Исходя из содержания стихотворения А. Палладоклиса «Стихи на платье греческое, в кое Ее Императорское Величество изволили одеваться в маскараде» (1771 год), греческое платье можно сравнить с нарядом Олимпиады, матери Александра Македонского⁹³. Таким образом, оно не только удачно вписывалось в европейские модные тенденции, вдохновлённые философией Ж.-Ж. Руссо, но и связывалось с геополитическими проектами императрицы в Средиземном море.

Символика описанных мероприятий тяготела к греческой теме, тем самым давая понять, что Россия не имеет претензий на северные территории. При этом ещё одним акцентом стала мощь империи, что можно интерпретировать как предупреждение не воевать. В символике театральных представлений обрисовывался образ Екатерины как

⁸⁶ Gustave III au Prince Charles, Duc de Sudermanie // Gustave III, par ses lettres. P. 161.

⁸⁷ Шувалова Екатерина Петровна (1743-1813) – супруга действительного тайного советника, сенатора и камергера Андрея Петровича Шувалова, урожденная Салтыкова. Карабанов П.Ф. Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв. СПб., 1872. С. 32.

⁸⁸ Шарлотта Карловна Ливен (1743-1828) – воспитательница детей Павла Петровича, жена генерал-майора барона Отто-Генриха фон Ливена, урождённая баронесса Гаугребен. Там же.

⁸⁹ Генералша Реп. – княгиня Наталья Александровна Репнина (1734-1801), урождённая Куракина, супруга Н.В. Репнина. Там же. С. 34.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 314. Л. 1.

⁹¹ «Панье», или, как его называли в России XVIII века «фижмы», представляло собой специальное приспособление из ивовых прутьев или китового уса для придания пышности женской юбке. Кирсанова Р.М. Указ. соч. С. 198.

⁹² Бордэриу К. Указ. соч. С. 76.

⁹³ См. Палладоклис А. Стихи на платье греческое, в кое Ее Императорское Величество соизволила одеваться в маскараде. СПб., 1771.

просвещённой и любимой подданными монархини. По возвращению домой шведский король писал французскому графу Крейцу: «Мое путешествие удалось сверх моего ожидания, и я из него уже извлекаю плоды. Старая партия шапок уничтожена, и интригам аристократов также положен конец с тех пор, как у них отнята всякая надежда тревожить мое царствование возбуждением вражды императрицы»⁹⁴. Таким образом, король добился относительной политической стабильности дома и задал вектор на сотрудничество с Россией (по крайней мере, на ближайшее десятилетие). Установившуюся связь монархов можно проследить в их внешней политике. В 1780 г. во время войны североамериканских колоний за независимость и последующего конфликта европейских держав Швеция и Россия были инициаторами «вооруженного нейтралитета»⁹⁵.

Символика высокаторжественных дней и маскарадов при Екатерине II была тесно связана с политическим курсом. Придворные праздники становились общеимперскими и должны были сыграть роль в формировании образа императрицы как заботливой Матери Отечества для подданных и сильного просвещенного монарха для иностранцев. Маскарады становились своего рода театром, где при помощи понятной «зрителям» знаковой системы транслировались идеи царствования.

Сценарии высокаторжественных дней в 1762-1777 гг. апеллировали к античным мифам (Екатерина как богиня Минерва, Афина-Паллада или Астрея) и более близкому народу образу Матери Отечества. Во время маскарадов, устраивавшихся во время визитов представителей европейских королевских династий, упор делался на древнегреческую и древнеримскую мифологию, что демонстрировало идею общего античного наследия для России и Европы. Именно так императрица оправдывала свои амбициозные планы в Средиземном море, что в дальнейшем вылилось в «Греческий проект». Победа в войне с Османской Портой стала новым подтверждением величия петровского наследия и славы Екатерины. Теперь никто не сомневался ни в законности прихода

⁹⁴ Gustave III au Comte de Creutz // Gustave III, par ses lettres. P. 165.

⁹⁵ *Рогинский В.В.* Указ. соч. С. 39-40.

императрицы к власти, ни в мощи ее империи. Концепцию «просвещенной» монархии раскрывало приобщение «третьего сословия», а также участие в театрализованных представлениях учеников и учениц из новых учебных заведений. Так смелые воспитательные проекты Екатерины и Бецкого с гордостью демонстрировались просвещенным монархам Европы.

Таким образом, придворные празднества могут быть рассмотрены не только как часть визуальной, театральной культуры эпохи, но и как составляющая политического курса. Изучение же замыслов, символики, тонкостей организации праздников позволяет найти дополнительные аргументы в дискуссионных вопросах внутренней и внешней политики.

ЛИТЕРАТУРА:

Агеева О.Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М.: Новый Хронограф, 2012. 936 с.

Берлова М.С. Любительский театр при дворах просвещенных монархов Густава III и Екатерины II // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2018. № 2. С. 117-128.

Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерины II европейский костюм в Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 344 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: М.О. Вольф, 1880-1882. 4 т.

Захарова О.Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII - начала XX века: Коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы. М.: АиФ-Принт, 2003. 398 с.

Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: НЛЮ, 2016. 568 с.

Карабанов П.Ф. Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв.. СПб.: Б. и., 1872. 126 с.

Курсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв. (опыт энциклопедии). М.: Большая российская энциклопедия, 1995. 383 с.

Лавренюк И.Л. Екатерининский парк и дворец в ретроспективе прошлого и настоящего (к 300-летию Царского села, г. Пушкин) // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 256-260.

Лётин В.А. Царство северного Аполлона: аллегорические программы Дроттнингхольма (Швеция) и Петергофа (Россия) // Вестник КГУ. 2006. № 6. С. 135-139.

Огаркова Н.А. Церемонии, празднества, музыка русского двора XVIII - начало XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 344 с.

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.

Рогинский В.В. Швеция и Россия - союз 1812 года. М.: Наука, 1978. 174 с.

Смилянская Е.Б. Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М.: Индрик, 2015. 838 с.

Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 1. 605 с.

Элиас Н. Придворное общество: Исследование по социологии короля и придворной аристократии: Социология и история. М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2002. 366 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Ф.А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1890-1907. 86 т.

Keenan P. St. Petersburg and the Russian Court, 1703–1761. London: Palgrave Macmillan, 2013. 232 p.

REFERENCES:

Ageeva O.G. Diplomaticeskij ceremonial imperatorskoj Rossii. XVIII vek. Moscow, Novyj Hronograf, 2012, 936 p. (In Russian)

Berlova M.S. Ljubitel'skij teatr pri dvorah prosveshennyh monarhov Gustava III i Ekateriny II. Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka. 2018, no 2, pp. 117-128. (In Russian)

Bordjeriu K. Plat'e imperatricy. Ekateriny II evropejskij kostjum v Rossijskoj imperii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 344 p. (In Russian)

Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. Moscow, M.O. Vol'f, 1880-1882, 4 vol. (In Russian)

Elias N. The Court Society. Oxford, 1983, 366 p.

Jenciklopedicheski slovar' Brokgauza i Efrona / pod redakziei F.A. Brokgauz, I. A. Efron. Saint Petersburg, Semenovskaja Tipolitografija (I.A. Efrona), 1890-1907, 86 vol. (In Russian)

Karabanov P.F. Gofmejsteriny, stats-damy i frejliny russkogo dvora XVIII i XIX vv. Saint Petersburg, b.i., 1872, 126 p. (In Russian).

Keenan P. St. Petersburg and the Russian Court, 1703–1761. London, Palgrave Macmillan, 2013, 232 p.

Kirsanova R.M. Kostjum v russkoj hudozhestvennoj kul'ture XVIII – pervoj poloviny XX vv. Moscow, Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 1995, 383 p. (In Russian).

Lavrenjuk I.L. Ekaterininskij park i dvorec v retrospektive proshlogo i nastojashhego. Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta. 2010, no 3, pp. 256-260. (In Russian)

Ljotin V.A. Carstvo severnogo Apollona: allegoricheskie programmy Drotninghol'ma (Shvecija) i Petergofa (Rossija). Vestnik KGU. 2006, no 6, pp. 135-139. (In Russian)

Ogarkova N.A. Ceremonii, prazdnestva, muzyka russkogo dvora XVIII - nachalo XIX veka. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2004, 344 p. (In Russian)

Proskurina V.J. Mify imperii. Literatura i vlast' v jepohu Ekateriny II. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2006, 328 p. (In Russian)

Roginskij V.V. Shvecija i Rossija - sojuz 1812 goda. Moscow, Nauka, 1978, 174 p. (In Russian)

Smiljanskaja E.B. Grecheskie ostrova Ekateriny II. Opyty imperskoj politiki Rossii v Sredizemnomor'e. Moscow, Indrik, 2015, 838 p. (In Russian)

Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. Princeton, Princeton University Press, 1995, 510 p.

Zaharova O.J. Vlast' ceremonialov i ceremonialy vlasti v Rossijskoj imperii XVIII - nachala XX veka: Koronacii, diplomaticheskie priemy, vysochajshie vyhody, voennye parady, rycarskie karuseli, ceremonial'nye zastol'ja, baly. Moscow, AiF-Print, 2003, 398 p. (In Russian)

Zorin A.L. Pojavlenie geroja: Iz istorii ruskoj jemocional'noj kul'tury konca XVIII – nachala XIX veka. Moscow, NLO, 2016, 568 p. (In Russian)

Political strategy of Catherine II in the symbolism of court holidays

A.D. Novikova

Based on unpublished documents from the Russian state archive of ancient acts (RGADA), periodicals, memoirs of contemporaries and other sources, the article explores the symbolism of Catherine II's court holidays. The author of the article concludes that the celebrations were part of the political strategy of the Empress, and their rhetoric changed depending on the "target audience". High-status days, the celebration of which was brought to the General Imperial level, were intended to legitimize the power of Catherine in the eyes of her subjects, and court masquerades, attended by members of European Royal families, served as a foreign policy course. Thus, the main ideas of the reign of Catherine II were encoded in the scenarios of festive celebrations and were part of the strategy of representing the figure of the enlightened monarch. This research is the first attempt in historiography to analyze court holiday ceremonies in a political way. The approaches proposed by the author allow us to deepen knowledge about the nature of unlimited power and strategies of politicians.

Keywords: *political imagology, enlightened absolutism, court holidays, Russian culture, Catherine II.*